

А. М. Сморгков

ИСТОЧНИКИ И ХАРАКТЕР МАГИСТРАТСКОГО ПРАВА НА АУСПИЦИИ: АНАЛИЗ АКТА RENUNTIATIO

Римская политическая теория в числе полномочий магистратской власти придавала большое значение праву на ауспиции, считая его базой этой власти и даже дифференцируя ее в соответствии с правом на ауспиции (Gell. XIII. 15. 4). Тем не менее акт предоставления указанного права, если он вообще существовал, не имеет четких форм и не обозначен прямо в источниках¹. Большинство исследователей связывают ауспиции с куриатным законом об империи², но и при таком варианте названное право оказывается чем-то вторичным, зависимым от предоставления империя, и вопрос об источнике права на ауспиции в итоге остается без ответа.

Обращает на себя внимание, что единственным чисто религиозным основанием для отказа магистратов от должности служила огрешность (*vitium*) в ауспициях при их избрании. Это обстоятельство, несомненно, свидетельствует об особой значимости процедуры избрания (*creatio*) с точки зрения авгурального учения, в том числе для создания сакральной базы магистратской власти. Именно с указанной процедурой, а не с куриатным законом об империи, на мой взгляд, связано получение права на ауспиции³. Но необходимо уточнить, на каком этапе происходило

¹ Эта проблема четко обозначена В.В. Дементьевой (Римское республиканское междуцарствие как политический институт. М., 1998. С. 57).

² *Hägerström A.* Das magistratische ius in seinem Zusammenhang mit der römischen Sakralrechte. Uppsala, 1929. S. 19. Anm. 1; S. 20–23; *Levi A.* Auspicio imperio ductu felicitate // *Rendiconti. Istituto Lombardo di Scienze e Lettere.* 1938. Vol. 71. P. 107; *Staveley E.S.* The Constitution of the Roman Republic (1940–1954) // *Historia.* 1956. V. 1. P. 84–90; *Catalano P.* Contributi allo studio del diritto augurale. Torino, 1960. P. 469, 479–486; *Magdelain A.* Recherches sur l'*imperium*. La loi curiate et les auspices d'investiture. P., 1968. P. 16–20, 36–38; *Develin R.* Lex curiata and the competence of magistrates // *Mnemosyne.* 1977. Ser. IV. Vol. XXX. Fasc. 1. P. 53–54, 59, 64–65; *Bleicken J.* Zum Begriff der römischen Amtsgewalt: *auspicium – potestas – imperium* // *Nachrichten der Akad. der Wiss. in Göttingen. Philol.-hist. Kl.* 1981. № 9. S. 269–271; *Giovannini A.* *Consulare imperium.* Basel, 1983. P. 44–56; *idem.* Magistratur und Volk. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte des Staatsrechts // *Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik.* Stuttgart, 1990. S. 434–436; *Badian E.* Kommentar zu Sektion V «Magistratur und Gesellschaft» // *Ibid.* S. 467; *Stewart R.* Public Office in Early Rome. Ann Arbor, 1998. P. 22, 34, 116, 182; *Покровский И.А.* История римского права. СПб., 1998. С. 92; *Токмаков В.Н.* Куриатные комиции и военные магистратуры в Раннем Риме // *Власть, человек, общество в античном мире.* М., 1997. С. 125; *Дементьева.* Римское республиканское междуцарствие... С. 58, 60.

³ *Сморчков А.М.* Куриатный закон об империи и ауспиции магистратов // *IVS ANTI-QVVM.* Древнее право. 2003. № 1 (11). С. 24–39. См. также *De Francisci P.* *Intorno alla*

наделение ауспигиями и в чем этот акт выражался. По мнению В. Кункеля, сакральный фундамент должности новых магистратов составляли осуществленные перед выборами ауспигии⁴. Напротив, Е. Линдерски связал получение права (пассивного, по его выражению) на ауспигии с церемонией *renuntiatio* – объявлением имени новоизбранного магистрата, что совершал магистрат, председательствовавший на электоральных комициях⁵. Подобную мысль высказывал и А. Магделен⁶. Однако и Е. Линдерски, и А. Магделен, признанные авторитеты в области исследования ауспигий, все же не придавали этому этапу особого значения, ограничившись краткими замечаниями практически без аргументации. Главное внимание они уделили первым ауспигиям консулов при вступлении в должность (см. прим. 48 и 49), причем А. Магделен считал, что со временем центр тяжести сакральной инвеституры сместился в пользу ауспигий перед выборами⁷. Таким образом, в историографии выделяются три точки зрения относительно предоставления магистратам права на ауспигии (помимо распространенного признания этой роли за куриатным законом). Значение первых ауспигий новоизбранного магистрата, как и тех, которые проводились перед электоральными комициями, будет рассмотрено в контексте исследования процедуры *renuntiatio*.

Момент формального объявления итогов голосования (*renuntiatio*) был ключевым в процедуре избрания новых магистратов: без этого выборы считались недействительными независимо от их реального результата, что сохранялось и в конце Республики, когда произвол руководителя комиций был во многом ограничен законодательно. Наиболее ясно и четко значение процедуры *renuntiatio* представлено в рассказе Валерия Максима (III. 8. 3) о выборах консулов на 66 г. до н.э. Плебейские трибуны, окружив на роствах консула Г. Пизона, которому предстояло руководить электоральными комициями, настойчиво спрашивали, объявит ли он консулом М. Паликана, фаворита толпы, в случае его избрания. Консул твердо заявил: «Не объявлю» (*non renuntiabo*). Интересно итоговое замечание Валерия Максима: «Этим кратким ответом он отнял у Паликана консулат прежде, чем тот получил его», – т.е., поскольку руководитель комиций отказался (заранее) объявить возможные результаты голосования, другими словами, утвердить их, то стало бессмысленным выставлять свою кандидатуру. Конечно, здесь консула вынудили заранее объявить о своем намерении – в обычных условиях этого не происходило. Точно так же поступил уже во времена принципата Августа консул 19 г. до н.э. Г. Сентий Сатурнин, запретивший одному из соискателей консулата выставлять свою кандидатуру. Когда тот отказался, то Г. Сентий поклялся, что даже в случае

natura e alla storia dell'*auspicium imperiumque* // Studi in onore di E. Albertario. Vol. I. Milano, 1953. P. 407–409, 412 (впрочем, во взглядах П. Де Франчиши есть определенное противоречие – см. прим. 49); *Nicholls J.J.* The Content of the Lex Curiata // *AJPh.* 1967. 88. № 3. P. 261 (краткое замечание); *Heuss A.* Gedanken und Vermutungen zur frühen römischen Regierungsgewalt // *Nachrichten der Akad. der Wiss. in Göttingen. Philol.-hist. Kl.* 1982. № 10. S. 441 (краткое замечание), ср. 445. Эти исследователи говорят о *creatio* в целом, концепции с более конкретными формулировками будут рассмотрены далее.

⁴ *Kunkel W.* Zum römischen Königtum // *Idem.* Kleine Schriften. Weimar, 1974. S. 359. Ср. *Gioffredi C.* Sulle attribuzioni sacrali dei magistrati romani // *Iura.* 1958. IX. 1. P. 27.

⁵ *Linderski J.* The Augural Law // *ANRW.* II. Bd 16. 3. B.–N.Y., 1986. P. 2169.

⁶ *Magdelain A.* Note sur la loi curiate et les auspices des magistrates // *Revue historique de droit français et étranger.* 1964. XLII. № 2. P. 201 (= *Idem.* *Ius imperium auctoritas. Études de droit romain.* Rome, 1990. P. 310).

⁷ *Magdelain.* *Recherches...* P. 36–37.

избрания голосованием народа он не объявит его консулом: ...*iuravit, etiam si factus esset suffragiis populi, tamen se eum non renuntiaturum* (Vell. II. 92. 4). Веллей Патеркул особо подчеркивает, что Сентий и в прочем поступал с исконной строгостью, ориентируясь на старинный образ действий консулов (*vetere consulum more ac severitate: ibid. 2*), а названное его деяние сравнивает со славою древних консулов (*ibid. 5*), так что здесь вполне резонно видеть республиканскую традицию.

Видимо, такой же представлял себе ситуацию и анналист Л. Кальпурний Пизон, рассказывая об избрании курульным эдилом на 304 г. до н.э. писца Гн. Флавия (в третьей книге «Анналов»): «...в то время, когда он служил у курульного эдила, происходили довыборы эдилов, и его от трибы (*pro tribu*) провозгласили (*renuntiaverunt*) курульным эдилом. (Магистрат), который руководил комициями, отказался признать его эдилом (*aedilem accipere*) и (заявил), что не желает, чтобы эдилом стал тот, кто является писцом. Говорят, Гн. Флавий, сын Анния, отложил таблички и отказался от должности, после чего он стал курульным эдилом» (*Piso ap. Gell. VII. 9. 2*). Точно так же и в таких же выражениях, в частности, употребив термин *pro tribu*, изложил эту историю Ливий (IX. 46. 2), несомненно, как и Авл Геллий, опирающийся на труд Л. Пизона, которого чуть ранее упомянул сам (*Liv. IX. 44. 3*). В этом случае также дело фактически ограничилось лишь угрозой отказа в итоговой ренунциации, ибо после исполнения Гн. Флавием необходимого условия (уход со службы) руководитель комиций все же признал результаты голосования (*nomem accipere*) и объявил его победителем. По всей видимости, этим объясняется выражение *pro tribu* (*sing.*): если здесь не *pars pro toto*, т.е. употребление этого выражения вместо *tribubus* (*pl.*), то речь должна идти о голосовании первой трибы (*principium*)⁸. Скорее всего, именно на данном этапе, т.е. после объявления результатов голосования в первой трибе (а оно имело особое значение, о чем ниже), руководитель комиций отказался признавать их и, соответственно, все возможные следующие голоса триб, пока Флавий не совершит вышеназванное действие.

В этих историях отказ в ренунциации явился следствием конфликта, но возможен был отказ и на основе консенсуса. Консул-суффект 460 г. до н.э., легендарный герой римской истории Л. Квинций Цинциннат заявил, что во избежание нарушения сенатского постановления о запрете повторного избрания он не потерпит объявления себя консулом: ...*nes me contra senatus consultum consulem renuntiarī patiar* (*Liv. III. 21. 6*). Этого он потребовал и от своего коллеги Г. Клавдия, по всей видимости, руководившего электоральными комициями⁹. Сенат, соответственно, принял решение не избирать Л. Квинция консулом, а если кто-нибудь так сделает, то это голосование не учитывать (*ibid. 8*).

На цензорских комициях, если не избирали сразу обоих цензоров (у них жестко соблюдался принцип коллегиальности), выборы переносили без объявления цензором даже того, кто набрал необходимое количество голосов: *comitiis censoriis, nisi duo confecerint legitima suffragia, non renuntiato altero comitia differantur* (*Liv. IX. 34. 25*). Опять-таки ключевым моментом в процедуре избрания оказывается процедура *renuntiatio*. А в 87 г. до н.э. Цинна и Марий, грубо нарушая «конституционную» традицию, без созыва комиций сами себя объявили (*renuntiaverunt*)

⁸ *Aulus Gellius. The Attic Nights. Vol. II. Cambr. (Mass.), 1968. P. 117. Not. 4. Cp. pro tribu (Front. De aq. 129. 1) о трибе principium; pro curia (Lex Malac. 56) об объявлении результатов голосования курии.*

⁹ *Liv. III. 21. 7 (ср. 6, где глагол renuntiare по отношению к Л. Квинцию употреблен в страдательном залоге).*

консулами на следующий год (Liv. Per. 80). Тем не менее имена их были сохранены в фастах (CIL. I². P. 27: 668 а.у.с.), т.е. ренунциация обеспечила легитимность и такой власти.

Итак, руководитель электоральных комиций имел право не признавать победу неугодных лиц, отказавшись формально объявить их имена. Другое дело, что это право, граничившее с произволом, было обоюдоострым средством в условиях крайне слабо развитых средств внутреннего принуждения при республике, и злоупотреблять им вряд ли рисковали. Конкретные случаи отказа в объявлении победителем по итогам уже состоявшихся выборов неизвестны, и это не случайно: у руководителя комиций имелось достаточно возможностей помешать неугодному кандидату и на предварительном этапе, и во время самих комиций¹⁰, так что отказ в ренунциации являлся самым последним, крайним средством. В названных случаях эффект возымела уже сама угроза его применения, высказанная перед комициями.

Объявить имя победителя председательствующий магистрат мог с помощью глашатая (праесо)¹¹, что отнюдь не умаляет торжественности и значимости акта, подчеркиваемых особым архаизмом произносимой глашатаем формулы: известно, что в ней употреблялось архаическое местоимение *olla* (centuria) вместо *illa* (Varr. LL. VII. 42). Точно так же глашатаю (праесо) отдавал приказ о созыве граждан цензор (ibid. VI. 86). И ауспиции магистрат осуществлял не только самостоятельно, но и с помощью пуллэрия, лишь получая от него сообщение о результатах гадания¹². Не известно, являлись ли оба варианта взаимозаменяемыми изначально, или помощника стали использовать со временем (см. Cic. Div. II. 74), но при любом ответе наличие помощника не говорит о сути и значении той или иной церемонии.

К сожалению, в источниках отсутствует прямое описание процедуры *renuntiatio*. Не привлек указанный акт и внимания исследователей. Статья Клингмюллера в энциклопедии Паули-Виссова¹³, представляющая собой скорее подборку фактов (весьма неполную), а не аналитическое исследование, занимает менее одного столбца. Лишь поставил вопрос о сакральных аспектах ренунциации Э. Герцог¹⁴. В основном только организации объявления результатов, т.е. технической стороне ренунциации, посвящены наиболее подробные исследования Л. Ланге и И.Ст. Стэвели¹⁵. У остальных ученых встречаются лишь краткие замечания по этому поводу, явно свидетельствующие, что ренунциация рассматривается ими как чисто процедурный акт.

Больше всего информации дает начало речи Цицерона «В защиту Мурены». Л. Лициний Мурена был избран консулом на 62 г. до н.э. в комициях под пред-

¹⁰ Анализ этих возможностей см. *Rilinger R. Der Einfluss des Wahlleiters bei den römischen Konsulwahlen von 366 bis 50 v. Chr.* München, 1976 (особ. S. 144–151, 174–186); *Giovannini. Magistratur und Volk... S.* 418–426.

¹¹ *Gell.* XII. 8. 6; cf. *Suet.* Dom. 10; *Cic.* II Verr. V. 38; *Leg. agr.* II. 4; *De or.* II. 260; *Varr.* LL. VII. 42; *RR.* III. 17. 1.

¹² *Liv.* IX. 14. 4; X. 40. 2–5, 9–14; *Cic.* Div. II. 71–72, 74.

¹³ *Klingmüller. Renuntiatio* // *RE.* II R. Hlbd 1. 1914. Sp. 600–601.

¹⁴ *Herzog E. Geschichte und System der römischen Staatsverfassung.* Bd 1. Lpz, 1884. S. 660–661.

¹⁵ *Lange L. De magistratum Romanorum renuntiatione et de centuriatorum comitorum forma recentiore* // *Idem.* Kleine Schriften aus dem Gebiete der classischen Alterthumswissenschaft. Bd 2. Göttingen, 1887. P. 463–493; *Staveley E.S. Greek and Roman Voting and Elections.* Ithaca (N.Y.), 1972. P. 177–181.

седательством Цицерона, консула 63 г. до н.э., но затем был привлечен к суду за нарушения при соискании должности (*in criminibus ambitus*: Cic. Pro Mur. 11). Несомненный ораторский пафос серьезно затрудняет выделение реальных условий и черт процедуры *renuntiatio*. Говоря о проведенных электоральных комициях, Цицерон упоминает их начальный пункт (обязательные перед народным собранием ауспиции) и конечный (объявление Мурены консулом), а также молитву богам, чтобы этот акт оказался благим и счастливым для него (как руководителя комиций), римского народа и плебса: *quod precatus a dis immortalibus sum, iudices, more institutoque maiorum illo die, quo auspicate comitiis centuriatis L. Murenam consulem renuntiavi, ut ea res mihi, fidei magistratuique meo, populo plebique Romanae bene atque feliciter eveniret...* (*ibid.* 1)¹⁶. Далее Цицерон так определяет характер и значение этой молитвы: «...эта торжественная молитва на комициях, освященная консульскими ауспициями (*sollemnis comitiorum precatio consularibus auspiciis consecrata*), заключает в себя такую силу и власть, каких требует достоинство государства...» (*ibid.*).

На каком этапе произносилась эта молитва? Цицерон говорит расплывчато: «в день комиций», «торжественная молитва на комициях», т.е. относит ее в целом к электоральному собранию, не указывая точно время вознесения молитвы. Молитва перед началом какого-либо государственного акта была обычным делом в римской (и греческой) политической практике, в частности, перед обращением с речью к народу: *sollemne carmen precatationis, quod praefari, priusquam populum adloquantur, magistratus solent*¹⁷. В случае электоральных комиций можно указать лишь два повода для пожелания, чтобы «этот акт» (*ea res*) пошел во благо римскому народу и плебсу¹⁸: 1) непосредственно перед началом комиций, соответственно, под «этим актом» подразумевались сами выборы с еще неясным исходом; 2) перед объявлением победителей, которым, соответственно, посвящалась молитва, т.е. она относилась к результатам голосования¹⁹. Мне представляется, что Цицерон все же имел в виду второй вариант, ибо сочетание *ea res* поставлено в его фразе сразу же после упоминания ренунциации Л. Мурены, и здесь же оратор говорит о своем желании, чтобы именно Мурена вступил в должность, о чем он молил богов в день комиций и повторно молит уже во время судебного заседания. После этой начальной фразы Цицерон дважды возвращается к названной молитве, сначала указав, что он молил богов о том, чтобы для избранных под его руководством консулов это событие, т.е. полученный консулат, оказалось во благо, счастье и благополучие: *idem ego sum*

¹⁶ Подобные формулы приводят Энний и Варрон: *Enn.* Fr. 111 (*quod mihi reique fidei regno vobisque, Quirites, se fortunatim feliciter ac bene vortat*); *Varr.* LL. VI. 86 (формула призыва граждан для ценза: *quod bonum fortunatum felix salutareque siet populo Romano Quiritibus reique publicae populi Romani Quiritium mihique collegaeque meo, fidei magistratuique nostro*). Ср. *Cic.* Div. I. 102 (*maiores nostri ... omnibus rebus agendis «Quod bonum, faustum, felix fortunatumque esset» praefabantur*); *Liv.* I. 17. 10 (*tum interrex contione advocata «quod bonum faustum felixque sit» inquit*).

¹⁷ *Liv.* XXXIX. 15. 1; ср. *Cic.* In Caec. 43; *Dionys.* VII. 59. 2; X. 32. 4; *Gell.* XIII. 23. 1; *Serv.* Ad Aen. XI. 301.

¹⁸ Ср. схожие сомнения Э. Герцога (*Op. cit.* Bd 1. S. 660. Anm. 2).

¹⁹ Двойное толкование допускает и свидетельство Дионисия (X. 32. 4), хотя скорее всего оно относится к молитвам перед созывом комиций (ср. VII. 59. 2): *μετὰ τοῦτο (сенатского постановления. – А.С.) ἱεροφαντῶν τε παρόντων καὶ οἰωνοσκόπων καὶ ἱεροποιῶν δυοῖν καὶ ποιησαμένων τὰς νομίμους εὐχὰς τε καὶ ἀρὰς ἐν τῇ λοχίτιδι ἐκκλησίᾳ συναχθείσῃ ὑπὸ τῶν ὑπάτων ὁ νόμος ἐκυρώθη...*

precatus ut eis quoque hominibus quibus hic consulatus me rogante datus esset ea res fauste feliciter prospereque eveniret (Pro Mur. 1). А затем оратор говорит о себе (в 3-м лице), что он вверяет этого консула (Мурену) судьям, как ранее вверил бессмертным богам (*dis immortalibus commendavit: ibid. 2*). Таким образом, молитва (*precatio*) на электоральных комициях вполне могла быть связана с актом *renuntiatio*²⁰, что подчеркивает его сакрально-политическое значение.

Обращает на себя внимание, что Цицерон обозначил эту молитву как *precatio consularibus auspiciis consecrata*. Чуть ранее он употребил выражение «по совершении auspiciis» рядом с упоминанием ренунциации: *auspicato comitiis centuriatis L. Murenam consulem renuntiavi (ibid. 1)*. Если это не случайность и не пафосный ораторский оборот, то не идет ли речь о каких-то auspiciis при ренунциации? Возможность дополнительной ауспикации внутри одного акта крайне сомнительна. Тем не менее определенная связь ренунциации с авгурской практикой имела место, о чем свидетельствуют лингвистические параллели. Сам этот термин стоит в одном ряду с терминами *nuntiatio* и *obnuntiatio*, которые, как и лежащий в их основе термин *nuntius*²¹, относятся в своем сакральном значении к авгурской лексике и связаны с auspiciis. «*Nuntiatio*» обозначало право авгуров, магистратов и их помощников при гадании (пуллариев) сообщать о знаменьях, касающихся общественных дел²², а «*obnuntiatio*» имело конкретный смысл сообщения именно о дурных знаменьях²³. Кроме того, глагол *pronuntiare* использовался для обозначения ответа авгуров на запрос по поводу грешности auspiciis при назначении диктатора или избрании консула (*Liv. VIII. 23. 14; XXIII. 31. 13*). Таким образом, в термине *renuntiatio* прослеживается связь между auspiciis и магистратскими полномочиями.

Еще один аргумент в пользу признания этой связи следует из процедуры голосования на центуриатных комициях (как до, так и после реформы второй половины III в. до н.э.): центурии каждого класса голосовали одновременно, но объявляли результаты голосования, видимо, по жребию²⁴. Так об-

²⁰ Для Э. Мейера этот вывод представлялся само собой разумеющимся и не нуждающимся в доказательствах: *Meyer E. Römisches Staat und Staatsgedanke. 2. Aufl. Zürich–Stuttgart, 1961. S. 67*. На мой взгляд, сведения Цицерона все же не столь однозначны. Т. Моммзен (*Römisches Staatsrecht. Bd III. 1. Lpz, 1887. S. 390. Anm. 2*), напротив, относил эту молитву к началу комиций, а не к ренунциации.

²¹ *Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue Latine. P., 1939. P. 687–688.*

²² *Cic. Phil. II. 81, 84; V. 9; Div. I. 105; II. 74; Fest. P. 446L, s.v. spectio (cp. Varr. LL. VI. 82); Liv. IX. 14. 4; X. 40. 4; XXII. 42. 8.*

²³ *Donat. Ad Terent. Adel. IV. 2. 9 (549)*. Конкретные примеры см. *Terent. Adel. IV. 2. 6–7 (546–547); Cic. Div. I. 29, 30; Post red. in sen. 11; Pro Sest. 33, 78, 79, 83; De prov. cons. 46; Phil. II. 83; Ad Att. IV. 3. 4; 17. 4; Ad Q. fr. III. 3. 2; Suet. Iul. XX. 1.*

²⁴ *Hall U. Voting procedure in Roman assemblies // Historia. 1964. XIII. 3. P. 279–283; Taylor L.R. Roman Voting Assemblies from the Hannibalic War to the Dictatorship of Caesar. Ann Arbor, 1966. P. 85–98* (подробное описание процедуры жеребьевки). См. рассказ Ливия о выборах в 298 г. до н.э., т.е. до реформы (если, конечно, на него не повлияла поздняя практика), в котором явно отражена идея последовательного голосования: *ut quaeque intro vocata erat centuria, consulem haud dubie Fabium dicebat (Liv. X. 13. 11)*. По всей видимости, речь здесь идет все же не о голосовании (оно внутри цензового класса было одновременным), а об объявлении его результатов: *Lange. De magistratum... P. 474–475; Mommsen. Op. cit. Bd III. 1. S. 399. Anm. 1; S. 409. Anm. 1*. К сожалению, названный вид жеребьевки не рассматривается, за исключением кратких упоминаний (р. 44–45; 110–111), в весьма основательной монографии Р. Стюарт (см. прим. 2), посвященной как раз применению жребия в политической практике Римской Республики.

стояло дело при провозглашении результатов (*renuntiatio*) голосования триб (Varr. RR. III. 17. 1)²⁵, которые голосовали одновременно. Эта республиканская традиция жеребьевки для определения последовательности объявления результатов отражена в муниципальном уставе эпохи Флавиев, где единицы, по которым происходило голосование, названы куриями²⁶. Такая система оказывала серьезное влияние на итоги выборов: поскольку побеждали первые набравшие большинство голосов (50% + 1 центурия или триба), то вполне возможна была ситуация, когда побеждал не тот, кто набрал больше всех, но кто получил большинство быстрее всех²⁷. По справедливому замечанию Л. Ланге, «уже в силу чисто практических соображений решающим было не само голосование, а *renuntiatio*»²⁸, что является следствием отмеченного значения жеребьевки. Порядок объявления победителей имел значение и с точки зрения престижа²⁹, в частности, имя консула, который был *primus renuntiatus*, стояло в фастах на первом месте, и в политическом отношении, ибо он же, как правило, проводил следующие выборы³⁰.

Эту систему нельзя объяснить только прагматическими целями. Такое значение (т.е. сокращение времени процедуры) она имела лишь при последовательном голосовании, т.е. в центуриатных комициях, где последние классы, как правило, не принимали участия в волеизъявлении. Но при одновременном голосовании триб и курий, а также центурий внутри класса она была бессмысленной, ибо результаты голосования всех единиц были известны руководителю комиций и вполне могли быть объявлены, чего, однако, не происходило. Явно порядку их объявления придавалось особое значение, обусловленное религиозными соображениями. Наиболее важным являлся выбор первой центурии (*centuria praerogativa*) из I класса³¹,

²⁵ *Lange*. De magistratuum... P. 474–476; *Herzog*. Op. cit. Bd 1. S. 1184; *Botsford G.W.* The Roman Assemblies from the Origin to the End of Republic. N.Y., 1909. P. 466. Not. 3; P. 467; *Hall*. Op. cit. P. 276–278, 288–293; *Staveley*. Greek... P. 155–156. Иное мнение см. *Mommsen*. Op. cit. Bd III. 1. S. 397. Anm. 4; S. 409. Anm. 1.

²⁶ *Lex Malac.* 57: qui comitia h(ac) l(ege) habebit, is relatis omnium curiarum tabulis nomina curiarum in sortem coicito, singularumque curiarum nomina sorte ducito, et ut cuiusque curiae nomen sorte exierit, quos ea curia fecerit, pronuntiare iubeto. Описание процедуры жеребьевки и голосования см. также в надписи 19 г. н.э. из колонии Геба близ Ветулонии: *Tab. Heb.* 16–35.

²⁷ Поясню это, используя в качестве образца пример, который привел для трибунных комиций Стэвели (*Greek*... P. 179–180). Для победы нужно было набрать голоса 18 из 35 триб. Если на два места претендовали три кандидата (А, В и С), то после голосования 24 триб могла сложиться такая ситуация: А получил 18 голосов, В – тоже 18, С – 12 (в сумме – 48 голосов 24 триб). В таком случае голосование останавливалось, и победителями объявлялись А и В. Однако, если бы голосование продолжилось до последней трибы, т.е. проголосовали бы еще 11 триб, то мог бы получиться, к примеру, такой расклад: А – 18 голосов, В – 29, С – 23 (в сумме – 70 голосов 35 триб). Кандидату С просто не повезло со жребием – трибы, голосовавшие за него, оказались в конце, и их голоса не были учтены. Дело в том, что трем кандидатам в сумме требовалось лишь 54 голоса для победы (по 18 каждому), в то время как 35 триб для двух мест давали в сумме 70 голосов.

²⁸ *Lange L.* Römische Alterthümer. Bd 1. 3. Aufl B., 1879. S. 704, cp. S. 703.

²⁹ *Cic.* Pro Mur. 18, 35; In Pis. 2; De imp. Cn. Pomp. 2; Brut. 321; *Liv.* VII. 5. 9; XXIX. 22. 5; *Plut.* Cic. 9; C. Gracch. 3; Caes. 5.

³⁰ *Taylor L.R., Broughton T.R.S.* The Order of the Two Consuls' Names in the Yearly Lists // *MAAR.* 1949. 19. P. 1–15; *idem.* The Order of the Consuls' Names in Official Republican Lists // *Historia.* 1968. 17. 2. P. 166–171; *Rilinger*. Op. cit. S. 40–59.

³¹ Выбор осуществлялся жребием: *Cic.* Phil. II. 82; *Liv.* XXIV. 7. 12; XXVII. 6. 3.

ибо результаты ее голосования, происходившего перед остальными центуриями, считались «предзнаменованием правильного хода комиций» (*omen iustorum comitiorum*)³². Такой порядок был установлен реформой второй половины III в. до н.э. До того прерогативными считались всаднические центурии³³, но и из них какая-нибудь должна была объявлять о результатах своего голосования раньше остальных³⁴. Подобное значение, хотя, возможно, и в меньшей степени, имели также первая триба и курия (здесь применялся термин *principium*)³⁵. По крайней мере однажды неудачный выбор первой курии при голосовании куриатного закона об империи был сочтен зловещим предзнаменованием (*triste omen*), что привело к переносу комиций на другой день (*Liv. IX. 38. 15–16; 39. 1*). Первая триба, как и первый проголосовавший в ней, указывались в преамбуле принятого закона³⁶.

Выбор для голосования первой центурии (трибы, курии) так же, как и определение порядка объявления результатов, осуществлялся жребием, который был обычным методом в римской политической практике³⁷. По всей видимости, он сопровождался ауспигиями³⁸, да и сам воспринимался как некий вид ауспигий³⁹. Следует подчеркнуть, что жеребьевка, подобно ауспигации, определяла отношение богов к предпринимаемому действию, но не выявляла их волю по поводу содержания принимаемого решения, во всяком случае, в общественных делах, как убедительно доказал Н. Розенштейн: само решение оставалось исклю-

³² *Cic. Div. I. 103; II. 83; Pro Mur. 38; Pro Planc. 49; Varr. ap. Fest. 290L, s.v. praerogativae centuriae*. Ср. имплицитные указания на особую роль прерогативной центурии: *Cic. I Verr. 26; Ad Q. fr. II. 14. 4; Liv. III. 51. 8; V. 18. 1; X. 22. 1; XXIV. 7. 12; 9. 3; XXVI. 22. 2–4, 12–13; XXVII. 6. 3; Plut. Cato min. 42* (ошибочно названа триба вместо центурии). О рациональных основах этой системы см. *Jehne M. Wirkungsweise und Bedeutung der centuria praerogativa // Chiron. 2000. 30. S. 669–678*. Наиболее подробный анализ значения, в том числе религиозного, прерогативной центурии см. *Meyer Chr. Praerogativa centuria // RE. Supplbd 8. 1956. Sp. 593–598*. Речь, конечно, должна идти о неформализованном религиозном восприятии, ибо результаты голосования этой центурии не были обязательны ни для руководителя комиций, ни для избирателей из других центурий, – основательную аргументацию см. *Rosenstein N. Sorting out the Lot in Republican Rome // AJPh. 1995. 116. 1. P. 58–62*.

³³ О ситуации до и после реформы (но без анализа процедуры жеребьевки) см. подробное исследование Хр. Мейера (*Op. cit. Sp. 569–572, 583–591*).

³⁴ *Hall. Op. cit. P. 279–280*.

³⁵ *Lange. De magistratuum... P. 477–478* (пожалуй, наиболее высокая оценка значения трибы, голосовавшей первой, – в частности, по мнению Ланге, именно она послужила прообразом для прерогативной центурии); *Mommsen. Op. cit. Bd III. 1. S. 411. Anm. 7; Herzog. Op. cit. Bd I. S. 1101, 1184; Taylor. Op. cit. P. 76; Staveley. Greek... P. 155, 179*. О возможном различии между терминами *praerogativa* и *principium* см. *Meyer. Op. cit. Sp. 569; Staveley. Greek... P. 155–156*.

³⁶ *Mommsen. Op. cit. Bd III. 1. S. 412. Anm. 1*. См., в частности: *Cic. Pro Planc. 35; De Domo. 79–80; Front. De aq. 129. 1*.

³⁷ Краткое перечисление случаев его применения в государственном управлении Римской республики см. *Staveley. Greek... P. 230–232 (Appendix II. The Use of the Lot at Rome); Rosenstein. Op. cit. P. 43–44*. Подробный анализ имеется в монографии Р. Стюарт (см. прим. 2).

³⁸ *Pro: Mommsen. Op. cit. Bd I. 3. Aufl. Lpz, 1887. S. 96. Anm. 4; Rosenstein. Op. cit. P. 57. Not. 50. Contra: Catalano. Op. cit. P. 279–280; Linderski. The Augural Law... P. 2175. Not. 102*.

³⁹ Подробный анализ см. *Stewart. Public Office... Passim (особ. P. 22–51)*. См. также *Ehrenberg V. Losung // RE. Bd XIII. 1927. Sp. 1465* (несколько скептический взгляд); *Linderski. The Augural Law... P. 2175; Bunse R. Entstehung und Funktion der Losung («sortitio») unter den «magistratus maiores» der römischen Republik // Hermes. 2002. 130. № 4. S. 421. Anm. 35*.

чительно светской (политической) прерогативой, в том числе и при избрании магистратов⁴⁰.

Об ауспикальном значении жеребьевки на электоральных комициях может свидетельствовать интересный эпизод в сочинении Варрона «О сельском хозяйстве» (III. 2. 1–2), где изображен авгур Аппий Клавдий, во время выборов курульных эдилов ожидающий поблизости (in Villa publica на Марсовом поле): не потребуется ли консулу его помощь⁴¹. В конечном итоге консул пригласил авгуров (ibid. 7. 1), но не упомянуто, с какой целью. Облативных ауспий, т.е. неиспрошенных знаменей, явно не было: участники диалога живо интересовались происходящим на комициях (ibid. 5. 18; 12. 1), и произойди что-нибудь в таком роде, Варрон обязательно бы упомянул. Незадолго до приглашения случился скандал с вбросом, видимо, фальшивых, табличек в урну для голосования (5. 18). С этим происшествием связал вызов авгуров Н. Розенштейн, поскольку урна стояла в templum, но Л.Р. Тейлор (прямо) и Е. Линдерски (косвенно) высказались в пользу того, что консул пригласил авгуров по поводу жеребьевки⁴². Жеребьевка и ренунциация произошли позже (17. 1), после возвращения от консула участника диалога авгура Аппия Клавдия (12. 1), что не исключает его участия в консультациях именно по вопросу жеребьевки, который с религиозной точки зрения представляется гораздо более важным, чем процедурные нарушения при голосовании. В пользу ауспикального характера жеребьевки говорит также изображение на монетах I в. до н.э. авгурского жезла lituus рядом с сосудом для жеребьевки⁴³.

О деятельном участии авгуров в определении сакральной правомочности выборов говорится в рассказе Плутарха о консульских выборах на 223 г. до н.э., оказавшихся огрешными: «...жрецы, наблюдавшие за птичьими знаками при консульских выборах, утверждали, что провозглашение их (Фламиния и Фурия. – А.С.) консулами оказалось недобрым и зловещим»⁴⁴. Несомненно, «объявление» (ἀναγορεύσεις – plur.) об избрании обоих консулов соответствует римскому тер-

⁴⁰ *Rosenstein*. Op. cit. P. 43–69 (по поводу прерогативной центурии см. P. 58–62).

⁴¹ Присутствие авгуров на комициях явно было правилом в силу политического значения комиций, к тому же они проходили в Городе или рядом. Выражалось авгурское участие формулой comitiis in auspicio esse: *Gell.* XIII. 15. 4; *Cic. Ad Att.* II. 12. 1. Ср. указания общего плана на эту формулу *Cic. Rep.* II. 16; *Div.* II. 71.

⁴² *Rosenstein*. Op. cit. P. 57. Not. 51; *Taylor*. Op. cit. P. 80 (ср. P. 73–74); *Linderski*. The Augural Law... P. 2193. Not. 173 («Махинации с tesserae могли быть интерпретированы как вмешательство в жребий, ведь в таком случае жребий стал бы средством определения порядка, в котором были бы объявлены сфальсифицированные результаты голосования. В силу религиозного значения жребия консул мог нуждаться в авгурском совете»).

⁴³ *Taylor*. Op. cit. P. 74. Not. 32. Мнение Л.Р. Тейлор оспорила Р. Стюарт, относя изображенный на монетах сосуд к понтификам и ритуальному возлиянию (libatio): *Stewart R.* The Jug and Lituus on Roman Republican Coins: Ritual Symbols and Political Power // *Phoenix*. 1997. 51. № 2. P. 171–178 (о концепции Л.Р. Тейлор и ее последователей см. ibid. Not. 1–3, 8). Не отрицая возможность применения этого сосуда при жеребьевке (p. 174), она указывает на неприемлемость такой трактовки для многих монетных выпусков (Not. 12). Но показателен основной вывод ее статьи: кувшин и литуус изображены на монетах тех магистратов – всего Стюарт насчитала 14 таких случаев, – законность власти которых подвергалась сомнению (p. 178–186). Соответственно, использование этих сакральных символов призвано было подчеркнуть традиционную религиозную санкцию полученной ими власти (p. 170, 174–179, 186).

⁴⁴ ...οἱ δὲ ἐπὶ ταῖς ὑπατικαῖς ψηφοφορίαις παραφυλάττοντες οἰωνοὺς ἱερεῖς διεβεβαίουντο μοχθηρὰς καὶ δυσόρνιας αὐτοῖς γεγονέναι τὰς τῶν ὑπάτων ἀναγορεύσεις (*Plut. Marcel.* 4).

мину *renuntiatio*. Обращает на себя внимание, что зловещим (огрешным) назван именно акт ренунциации, насколько, конечно, может быть точен в описании республиканской процедуры поздний греческий автор. Соответственно, речь может идти либо о так называемых облативных (неиспрошенных) ауспициях, либо об ауспициях, определявшихся упомянутой жеребьевкой перед ренунциацией.

Таким образом, ренунциация имела вполне явные связи с ауспициями и ауспикальными процедурами. Для дальнейшего определения ее религиозного значения необходимо рассмотреть вопрос, принципиальный для понимания характера политической власти республиканского Рима: имело ли место в древнеримской процедуре легитимации власти одобрение личности новоизбранных магистратов со стороны Юпитера (так называемая «божественная, или сакральная, инвести́тура»)? Сравним выборы консулов, назначение диктатора и процедуру наделения царской властью. Эквивалентом для *renuntiatio* в первом случае служит *dictio*, во втором – *inauguratio*, или, точнее, входивший в эту процедуру акт *declaratio*⁴⁵, т.е. «объявление (Юпитером своего согласия)». При инаугурации царя, как ее представляла античная традиция, божественное одобрение личности, предлагаемой на высшую должность, явно имело место: в рассказе Ливия об инаугурации второго римского царя авгур в ритуальной формуле спросил Юпитера, угодно ли богам (*si est fas*), чтобы царем стал именно Нума Помпилий⁴⁶. Согласно Дионисию, кандидатура должна была пройти одобрение сената и народа, а также через ауспиции получить согласие богов. В случае неблагоприятных знамений, равно как и отказа со стороны сената или народа, назывался второй кандидат в цари, третий и так до тех пор, пока он не удовлетворял всем человеческим и божьим требованиям (*Dionys. IV. 40. 2*). Идея божественной инвести́туры здесь выражена весьма наглядно. Хотя о возможности альтернативных кандидатур сообщает лишь Дионисий, но уже сам акт вопрошания воли богов по поводу конкретной личности предполагает такой вариант, пусть даже теоретически.

Для республиканских магистратур, как отмечалось в начале статьи, некоторые исследователи фактически признают эквивалентом царской инаугурации первые ауспиции, проводимые магистратом на рассвете дня вступления в должность⁴⁷, рассматривая их как испрашивание магистратом от Юпитера подтверждения своего права на них же⁴⁸ либо как одобрение личности новоизбранного магистрата⁴⁹. В обоих вариантах речь идет об отдельном этапе легитимации власти – получении инвести́туры от Юпитера, что, казалось бы, и является искомым религиозным

⁴⁵ О сакральном значении этого акта см. *Lange. Römische Alterthümer. Bd 1. S. 299.*

⁴⁶ *Liv. I. 18. 6–10: Iuppiter pater, si est fas hunc Numam Pompilium, cuius ego caput teneo, regem Romae esse, uti tu signa nobis certa adclarassis inter eos fines, quod feci.* Похожий рассказ имеется у Плутарха (*Numa. 7*). Явно о божественной инвести́туре идет речь и в кратких замечаниях Дионисия Галикарнасского по поводу принятия власти различными римскими царями после получения благоприятных знамений (*II. 5. 1; 60. 3; III. 1. 3; 36. 1; 46. 1*).

⁴⁷ Такая первая ауспикация известна у консулов: *Dionys. II. 6. 1–3* (ср. *5. 1–2*); *Ovid. Ep. Ex Ponto. IV. 4. 38.* Возможно, также: *Cic. II Verr. I. 104; Suet. Aug. 95; App. BC. III. 94; Dio Cass. XLVI. 46. 2; LVIII. 5. 5.* Процедуру см. *Cic. Div. II. 74.*

⁴⁸ *Linderski. The Augural Law... P. 2169; idem. Diskussion zu Sektion V «Magistratur und Gesellschaft» // Staat und Staatlichkeit... S. 477.*

⁴⁹ *Mommsen. Op. cit. Bd I. S. 609* (впрочем, это лишь краткое замечание, а не развернутая концепция – Моммсен явно не видел здесь проблему); *De Francisci. Intorno... P. 407* (также лишь краткое замечание, причем явно случайное, поскольку оно противоречит общей концепции этого исследователя); *Magdelain. Recherches... P. 36–40, 43.*

актом вручения магистрату права на общественные ауспиции. Однако те же исследователи признают, что уже сам факт проведения первых ауспиций свидетельствует о наличии у новоизбранного магистрата права на них, которое, соответственно, было получено им ранее (см. прим. 48 и 49). Вызывает сомнения и сама идея А. Магделена о принципиальном отличии первой ауспикации магистратов от ауспиций при других магистратских общественных актах, ведь подтверждение права на ауспиции или одобрение личности избранного магистрата касалось не предполагаемого действия, как при обычной ауспикации, а уже состоявшегося, причем действовало год, а не один день⁵⁰. Такой тезис требует серьезных и развернутых доказательств, чего в настоящее время исследовательская литература не предлагает.

Если бы первая ауспикация имела столь принципиальное значение, то она должна допускать и возможность лишения должности в случае отрицательного «ответа» Юпитера. Известен единственный случай (215 г. до н.э.) отказа магистрата от должности в свой первый день из-за неблагоприятного знамения (прогремел гром): анализируя его, авгуры пришли к выводу, что Г. Клавдий Марцелл был «огрешно избран» (*vitio creatus*) консулом⁵¹, после чего он добровольно отказался от должности. По мнению сенаторов (в изложении Ливия), богам было неуютно, что оба консула оказались из плебеев. Ранее такого не случалось, так что Ливием передана, видимо, действительно имевшая место версия, основанная на отсутствии прецедента.

Как можно заметить, причину огрешности авгуры усматривали в выборах, точнее, в соответствующих ауспициях. Именно к ним относилось знамение и именно там нужно было искать согласие или несогласие богов. Могло ли оно относиться к первым ауспициям, которые Марцелл должен был осуществить перед вступлением в должность, ведь гром прогремел во время этой процедуры (*ineunti consulatum*)? На мой взгляд, нет. Ведь молния слева при первой ауспикации магистрата, когда он вступал в должность, считалась ожидавшимся благоприятным знамением⁵². Таким же знаком, вполне вероятно, считался и гром при ясном небе⁵³, поскольку он вместе с молнией относился к одной категории ауспиций – к так называемым *caelestia auguria* (Fest. P. 56L). Гром слева при безоблачном небе благоприятным знамением называет Эний⁵⁴. Точно такое же благоприятное знамение от Юпитера трижды упомянуто Вергилием⁵⁵. Однако при заключении брака по религиозному обряду

⁵⁰ *Magdelain. Recherches...* P. 42–43.

⁵¹ *Liv. XXIII. 31. 13* (так же XXVII. 22. 1): *Creatur ingenti consensu Marcellus, qui extemplo magistratum occiperet. Cui ineunti consulatum cum tonuisset, vocati augures vitium creatum videri pronuntiaverunt.* Похоже излагает события и Плутарх: *Καὶ πάσαις μὲν ἀπεδείχθη ταῖς ψήφοις ὕλατος, ἐπιβροντήσαντος δὲ τοῦ θεοῦ καὶ τῶν ἱερέων οὐκ αἴσιον τιθεμένων τὸ σημεῖον, ἐμφανῶς δὲ κωλύειν ὀκνοῦντων καὶ δεδιότων τὸν δῆμον, αὐτὸς ἐξωμόσατο τὴν ἀρχὴν* (*Plut. Marcel. 12*). Как и Ливий, Плутарх говорит о двух последовательных событиях (начала избрание, а потом знамение), а не одновременных (ср. прим. 56), что следует из перевода С.П. Маркиша: «Он был избран единодушно, но во время голосования загредел гром...» (*Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 2-х томах. Т. 1. М., 1994. С. 346*).

⁵² *Dionys. II. 5. 1–2; 6. 1–3, ср. Cic. Div. II. 43, 74.*

⁵³ Только в таком случае гром воспринимался как знамение, ибо тучи считались его естественной причиной: *Serv. Ad Aen. VII. 141, ср. Cic. Div. II. 44.*

⁵⁴ *Enn. ap. Cic. Div. II. 82: Tum tonuit laevum bene tempestate serena.*

⁵⁵ *Verg. Aen. II. 692–693 (intonuit laevum); VII. 141–142; IX. 630–631 (caeli... de parte serena intonuit laevum).* Ср. комментарии Сервия (*ad Aen. II. 693; VII. 141; IX. 627, 628*).

confarreatio гром считался неблагоприятным знаком (Serv. Ad Aen. IV. 339), а если гром и молния случались во время комиций, то такое знамение, согласно авгурскому учению, вело к немедленному роспуску народного собрания⁵⁶. Таким образом, гром и молния имели разное значение для электоральных комиций и для магистратской ауспикации. Но главное: и на комициях, и при магистратской ауспикации неблагоприятное знамение не влекло серьезных последствий – общественный акт и гадание по его поводу переносились на другой подходящий день⁵⁷. Почему же для Марцелла знамение привело к его абдикации (отказу от должности), пусть и добровольной?

Объяснение может заключаться либо в особом «качестве» знамения в силу специфики первой ауспикации, либо в особом характере ситуации. На первом варианте настаивает Линдерски, чья концепция основана как раз на рассматриваемом эпизоде, который все же никак нельзя признать однозначным. Кроме того, в качестве доказательства он указал на другой случай⁵⁸, когда в 163 г. до н.э. во время консульских выборов неожиданно умер сборщик голосов в первой центурии⁵⁹. Однако, ситуация на этих выборах, по-моему, прямо противоположна изучаемой: ведь тогда знамение случилось во время комиций, а в случае с Марцеллом – после; в 163 г. до н.э. знамение указывало на ошибку в ауспичиях, допущенную руководителем комиций консулом Тиб. Гракхом, а в 215 г. до н.э. – на плебейский статус Марцелла; в первом случае сначала пренебрегли знамением, и новоизбранные консулы вступили в должность, пока гораздо позже Тиб. Гракх эту ошибку не обнаружил, а во втором – Марцелл сразу же отказался от должности, которую он то ли успел принять, то ли нет.

На мой взгляд, серьезного внимания все же заслуживает второй вариант объяснения – ведь это был тяжелейший для римлян 215 г. до н.э., причем речь шла о довыборах на место погибшего Л. Постумия Альбина, избранного в консулы, но не успевшего даже принять должность. В такой ситуации особое внимание к религиозным требованиям и различным знамениям вполне объяснимо, даже если за абдикацией Марцелла скрывались какие-то политические противоречия и соображения⁶⁰. И тот же гром, который в иных условиях привел бы всего лишь к переносу и повторению консульских ауспичий, после крупнейших поражений римлян был воспринят обществом весьма серьезно, в силу чего Марцелл, к тому же сам являвшийся авгуром, решил на всякий случай не принимать должность. Консулата

⁵⁶ Cic. Div. II. 42 (Iove tonante, fulgurante comitia populi habere nefas), 43, 74; In Vatin. 20; Phil. V. 8; Liv. XXX. 39. 5; XL. 42. 10; 59. 5; Dio Cass. XXXVIII. 13. 3–5; Plut. Cato Minor. 42; Tac. Hist. I. 18; De vir. ill. LXXIII. 7; App. BC. I. 30. О громе как неблагоприятном знамении без указания повода см. Serv. Ad Aen. IV. 161 (murmur autem caeli ad infaustum omen pertinet, quia tonitru dirimuntur auspicia); Suet. Tit. 10. 1; Macr. Sat. I. 16. 8.

⁵⁷ Краткую, но полную и ясную характеристику см. Linderski. The Augural Law... P. 2295. Подборку источников и анализ см. Catalano. Op. cit. P. 42–45. К его списку можно добавить свидетельство Диона Кассия (XXXVIII. 13. 3–5).

⁵⁸ Linderski. The Augural Law... P. 2170–2171.

⁵⁹ Cic. De nat. deor. II. 10–11; Div. I. 33; II. 74–75; Ad Q. fr. II. 2. 1; Val. Max. I. 1. 3 (cp. IX. 3. 2); Plut. Marcel. 5; Ampel. XIX. 11; De vir. Ill. XLIV. 2; Fast. Capit. 592 a.u.c. (CIL. I². P. 25). Анализ ситуации см. Magdelain. Recherches... P. 47–48; Linderski. The Augural Law... P. 2159. Not. 37; 2160–2161; Сморглов А.М. Определение огрешности ауспичий авгурской коллегией // Античность Европы. Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1992. С. 80–83. Более полную библиографию см. Linderski. The Augural Law... P. 2159. Not. 37; P. 2160. Not. 39.

⁶⁰ Библиографию и критику политических объяснений см. Linderski. The Augural Law... P. 2168–2169.

он удостоился уже на следующий год (214 г. до н.э.), ничего, таким образом, не потеряв с точки зрения своих политических амбиций.

Впрочем, рассматриваемую ситуацию можно попытаться объяснить и с точки зрения авгурского учения. В силу сложившейся ситуации Марцеллу предстояло принять власть сразу (*extemplo*) после выборов. Авгуры в своем ответе четко разделили два последовательных действия (выборы и вступление в должность) с точки зрения ауспий. Императивные ауспии сохраняли свою силу в течение дня их осуществления⁶¹, и они могли быть отменены (*dirimi*) облативными знаменами, пока акт, по поводу которого они были проведены, не закончился. Исходя из этого я могу предложить следующее объяснение этой уникальной ситуации – объяснение, подобно прочим, столь же логичное, сколь и недоказуемое в силу дефицита информации⁶². А именно, в истории с Марцеллом, вполне возможно, продолжали действовать электоральные ауспии, ведь день еще не закончился, а Марцелл лишь намеревался приступить к процедуре вступления в должность, соответственно, не успев осуществить новые ауспии. Он являлся так называемым десигнированным магистратом (см. ниже). В этот переходный момент и случилось неблагоприятное знамение, причем, что важно, здесь речь может идти лишь об облативных ауспиях, т.е. случайных знаках божественного гнева, к каковым относился и гром, а не об императивных, которые принадлежали магистрату и к которым относились первые ауспии. Отсюда следует, что Марцелл вовсе не испрашивал «согласия» Юпитера на свое избрание, не искал его «одобрения» для уже полученного им права на общественные ауспии. Случись такое знамение во время выборов, их просто перенесли бы. Но выборы уже состоялись, и их результаты не могли быть отменены и переголосованы: политический принцип гласил, что «магистрат, избранный огрешно, тем не менее является магистратом» (*Vat. LL. VI. 30*). Поэтому оставался лишь вариант отказа от должности, тем более предпочтительный, что в тех тяжелых для Рима обстоятельствах скрупулезное соблюдение религиозных требований, как отмечалось выше, представлялось жизненно необходимым. Конечно, сообщения Ливия и Плутарха слишком краткие, да и вряд ли Ливию, а тем более Плутарху, были ясны обстоятельства этого уникального в римской истории инцидента, но предложенное понимание ситуации, на мой взгляд, вполне соответствует ауспикальной теории.

Таким образом, при первой ауспикации магистрата не было речи ни о каком испрашивании согласия богов на уже состоявшееся избрание или о подтверждении уже полученного права на ауспии: это была обычная практика проведения ауспий перед началом любого важного дела, каковым, несомненно, являлось торжественное вступление в должность⁶³. Процедура, цели и результаты проведения ауспий принципиально отличались от инавгурации, которую, несомненно,

⁶¹ *Gell.* III. 2. 10; *Macr. Sat.* I. 3. 7; *Censorin.* XXIII. 4; *Dio Cass.* XXXVIII. 13. 3. См. *Catalano.* *Op. cit.* P. 42–45; *Linderski.* *The Augural Law...* P. 2205.

⁶² Линдерски, считающий, что гром прозвучал во время вступления Марцелла в должность, предложил другое объяснение – гром оказался неблагоприятным знаменем, поскольку прозвучал не слева (*The Augural Law...* P. 2170). Объяснение логично, ибо действительно благоприятным знаком считался только гром слева (см. прим. 54 и 55), и недоказуемо, ибо откуда прозвучал гром, ни Ливий, ни Плутарх не сообщают, к тому же при магистратской ауспикации в качестве испрашиваемого знака упоминается только молния (см. прим. 52).

⁶³ См. также *Karlowa O. Römische Rechtsgeschichte.* Bd 1. Lpz, 1885. S. 185; *Coli U. Regnum.* Roma, 1951. P. 88–89, 92; *Kunkel.* *Op. cit.* S. 358–359; *Gioffredi.* *Op. cit.* P. 28.

можно рассматривать в качестве «божественной инвеституры». Инаугурацию осуществляли авгуры, а будущий царь играл при этом подчиненную роль; инаугурация была пожизненной; она происходила в день выборов в присутствии граждан. Всего этого не было при первой ауспикации: ее проводил в одиночестве сам новоизбранный магистрат, используя лишь помощника, перед рассветом дня вступления в должность, а ее действие было ограничено во времени этим днем⁶⁴.

Вариантом вышеизложенной концепции можно считать взгляды некоторых исследователей, которые усматривают «божественную инвеституру» в ауспациях перед электоральными комициями, полагая, что с их помощью магистрат, руководивший выборами, вопрошал богов по поводу каждого кандидата⁶⁵. Это необычно для римской ауспикальной практики, ключевой вопрос которой можно сформулировать примерно так – «*si est fas hodie eam rem facere*»⁶⁶, т.е. ответ богов, ожидаемый при ауспациях, относился к конкретному действию в день проведения ауспаций, а не к личности, тем более на длительный (годовой) срок. Если вопрошание богов по поводу личности будущих консулов когда-либо имело место, то в таком случае придется предположить на каком-то этапе кардинальное изменение ауспикальной процедуры, выразившееся в изменении вопроса, обращенного к богам. Но здесь не выйти из области умозрительных гипотез. Думаю все же, что ауспикальная процедура в Риме, консервативная, как всякий сакральный акт, всегда была единообразна, т.е., как уже отмечалось, у богов испрашивали согласия на осуществление конкретного действия в конкретный день. К тому же в источниках нигде не упоминается, чтобы руководитель электоральных комиций ссылался на волю богов, высказанную через предварительные ауспации, как на причину отказа кандидату. Отмечу, что такая процедура теоретически возможна лишь тогда, когда количество кандидатов равняется количеству магистратских мест. Предположение Н.Д. Фюстель де Куланжа, что боги могли одобрить и большее количество кандидатов, оставляя выбор между ними за народом⁶⁷, фактически дезавуирует «божественную инвеституру», ибо окончательное решение оказывается за людьми.

Интересные аргументы привел П. Де Франчиши, признававший «божественную инвеституру» такого рода в первой половине существования Республики. Он обратил внимание на термин *designatus*, связав его с авгурским термином *signa*, и на выражение *extemplo*⁶⁸, которым обозначали немедленное принятие власти после избрания. Идею итальянского исследователя я представляю себе таким образом: действующий магистрат с помощью ауспаций (*signa*) выбирал будущих магистратов (*designare*), которые находились рядом с ним, в освященном для гаданий месте (*templum*), поскольку после гаданий они сразу же (*extemplo*) выходят из этого участка (*ex templo*) уже магистратами. Однако такого рода процедура в принципе исключает любое соучастие гражданского коллектива, соответствен-

⁶⁴ *Cic. Div. II. 71–72, 74; Dionys. II. 6. 1–3.* О других отличиях, прежде всего с точки зрения авгурального права, см. *Coli. Op. cit. P. 87–90; Kunkel. Op. cit. S. 358; Linderski. The Augural Law... P. 2295–2296.*

⁶⁵ *Фюстель де Куланж Н.Д. Древняя гражданская община / Пер. Н.Н. Спиридонова. М., 1895. С. 167–170; De Francisci P. Primordia civitatis. Roma, 1959. P. 423–425; Дементьева В.В. Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V–III вв. до н.э.). Ярославль, 1996. С. 52.*

⁶⁶ Конкретизацию этой формулы см. *Catalano. Op. cit. P. 44* (например, «*si est fas hodie comitia populi habere*»).

⁶⁷ *Фюстель де Куланж. Ук. соч. С. 169.*

⁶⁸ *De Francisci. Primordia... P. 424.*

но, это был бы уже другой акт, нежели creatio. Кроме того, все имеющиеся данные свидетельствуют, что термин designatus прилагался исключительно к тем, кто был объявлен избранным посредством акта renuntiatio⁶⁹, а не к кандидатам после проведения ауспий перед комициями, как следовало бы исходя из идеи Де Франчиши.

Даже назначение диктатора (dictio), совершавшееся одним лишь консулом после ауспий, не соответствует схеме Де Франчиши, ибо при этом акте не требовалось личного присутствия предполагаемого диктатора. В принципе, при назначении диктатора теоретически можно предположить обращение к богам по поводу его личности, ибо это было собственное действие консула, который мог выбрать кого ему угодно, с учетом, конечно, рекомендаций сената. Но насколько различались в отношении ауспий при избрании консулат и диктатура – два элемента единой республиканской политической системы? Осуществляемый при назначении диктатора религиозный акт ничем не отличался от обычных ауспий и ни в каком отношении не похож на царскую инаугурацию, которая действительно представляла собой божественное «утверждение» личности будущего царя. Перед тем как назвать имя диктатора, консул, как и в других случаях ауспикации, в одиночку проводил ауспий между полночью и рассветом⁷⁰, в то время как инаугурацию осуществлял авгур, причем днем и в присутствии народа. К тому же инаугурация носила пожизненный характер, а диктатора назначали на срок не более шести месяцев. О чем же мог спрашивать богов консул: о личности предполагаемого к назначению диктатора или же, как обычно, о согласии богов на совершение акта dictio? В источниках нет никакой информации по этому поводу, соответственно, нет оснований предполагать здесь принципиальные отличия от обычной ауспикальной практики.

Тем не менее указание на авгурскую лексику в связи с избранием магистратов весьма интересно и продуктивно. Если наблюдения Де Франчиши верны, то авгурские signa и templum вполне можно связать с жеребьевкой порядка объявления (ренунциации) результатов голосования отдельных центурий (триб, курий), ведь жеребьевка, как и ауспий, являлась выражением воли богов, ход ее мог оказаться огрешным (vitiosus), и проводили ее в templum⁷¹. Все эти косвенные данные также свидетельствуют в пользу признания ауспикального значения церемонии итоговой ренунциации, для которой жеребьевка играла ту же роль, что и комициальные ауспий. Весомым аргументом для этого вывода было бы несомненное упоминание огрешности (vitium), случившейся на стадии жеребьевки перед ренунциацией и тем более во время ее самой. К сожалению, неоднократные указания в источниках на огрешность при избрании магистратов не содержат уточнения, в чем собственно она состояла, за единственным исключением – упоминавшихся выборов консулов на 162 г. до н.э., где ошибка была допущена в ауспий перед комициями⁷². Понятно, что уникальность этого свидетельства не исключает и другие варианты.

По всей видимости, само избрание, включавшее двойную ауспикальную процедуру (перед комициями и перед ренунциацией), означало предоставление права на осуществление общественных ауспий избранным кандидатам, т.е.

⁶⁹ Mommsen. Op. cit. Bd I. S. 578–580; Klingmüller. Op. cit. Sp. 600.

⁷⁰ Liv. IV. 21. 10; 57. 5; VIII. 23. 15–16; IX. 38. 14; XXIII. 22. 11; Dionys. XI. 20. 3; Dio Cass. VIII. 36. 26. Ср. другие случаи и общие утверждения: Liv. X. 40. 2; Dionys. II. 6. 2; Fest. P. 475L, s.v. silentio surgere; Gell. III. 2. 10; Macr. Sat. I. 3. 7; Censorin. XXIII. 4.

⁷¹ Liv. IX. 38. 15–16; XLI. 18. 7–8, 14. См. также прим. 38 и 39.

⁷² Cic. De nat. deor. II. 11; Div. I. 33; II. 75; Plut. Marcel. 5.

десигнированным магистратам. Предоставление этого права не означало появление его немедленно, но пока сохранялись полномочия действующих магистратов, оно было предоставлено в скрытом виде (подобно *potestas*⁷³). В авгурском учении *auspicium* и *potestas* были тесно связаны, о чем свидетельствует авгур М. Валерий Мессала (I в. до н.э.) в первой книге своего сочинения «Об ауспициях»: *Patriciorum auspicia in duas sunt divisa potestates* (ap. Gell. XIII. 15. 4). Отождествляет эти понятия и Сервий⁷⁴. Десигнированные магистраты получали определенный официальный статус, в частности, у них, по крайней мере в постсулланскую эпоху, в первую очередь спрашивали мнение в сенате⁷⁵. Кроме того, десигнированные консулы и преторы имели право издавать эдикты касательно своей будущей деятельности, которые приобретали силу одновременно со вступлением их в должность⁷⁶. В случае необходимости еще до такого вступления избранные магистраты бросали жребий по поводу распределения провинций и полномочий, что также является государственным актом⁷⁷. Их положение похоже на магистратское и в отношении применявшейся политической терминологии: *magistratum capere* («принимать магистратуру»)⁷⁸, *magistratu abdicare* («отказываться от магистратуры»)⁷⁹. Здесь под «магистратурой» понимался статус именно десигнированного магистрата, который кандидаты принимали или нет. Хотя эти упоминания единичны и неоднозначны, но все же показательны. Ведь даже если в конкретном случае Ливий ошибался⁸⁰, называя Кв. Фульвия Флакка десигнированным эдилом, все-таки он должен был использовать ту терминологию, которая соответствовала ситуации как таковой независимо от его ошибки. Наиболее ярким свидетельством сходства положения десигнированных магистратов с положением действующих является запись в фастах имени консула 215 г. до н.э. Л. Постумия Альбина, который погиб, не успев вступить в должность⁸¹. Таким образом, консулом его сделало избрание, а не последующие акты принятия должности.

⁷³ Lange. *Römische Alterthümer*. Bd 1. S. 719. О характере понятия *potestas* см. *Mommsen*. Op. cit. Bd I. S. 23–24; *Bleicken*. Op. cit. S. 278–287.

⁷⁴ *Serv. Ad Aen.* IV. 102, 340; VII. 257. Анализ соотношения понятий *auspicium* и *potestas* см. *Catalano*. Op. cit. P. 444–449.

⁷⁵ *Cic. Ad Att.* IV. 2. 4; *Ad Q. fr.* II. 1. 2 (cp. *Har. Resp.* 13); *Ad fam.* VIII. 4. 4 (Caelius); *Phil.* V. 35; VI. 8; *Sallust. Cat.* 50. 4; *Gell.* IV. 10. 2; *App.* BC. II. 5. Подробнее см. *Mommsen*. Op. cit. Bd III. 2. Lpz, 1888. S. 972–974; *O'Brien Moore*. *Senatus* // *RE*. Supplbd 6. 1935. Sp. 712; *Rilinger*. Op. cit. S. 42.

⁷⁶ *Liv.* XXI. 63. 1 (cf. 13, 15); *Cic.* II *Verr.* I. 109 (cf. 105); *Dio Cass.* XL. 66. 2–3.

⁷⁷ *Liv.* XXVII. 36. 10; XXXVIII. 42. 6; XLIV. 17. 7; *Cic.* I *Verr.* 21; II *Verr.* III. 222.

⁷⁸ *Cic. Pro Planc.* 8: *Tum* (во времена предков. – *A.C.*) *enim magistratum non gerebat is, qui seperat, si patres auctores non erant facti* (cp. *Liv.* XXXIX. 39. 4: *duos simul unus magistratus... neque capere posset nec gerere*). Речь у Цицерона идет о магистратах избранных, но еще не вступивших в должность, т.е. десигнированных.

⁷⁹ *Liv.* XXXIX. 39. 9: *...ubi designatus praetor esset, extemplo aedilitate se abdicaturum*. Это заявил Кв. Фульвий Флакк, *aedilis curulis designatus* (*ibid.* 2, 6), добываясь избрания на неожиданно освободившееся преторское место. Сюда же может относиться и рассмотренный выше случай с абдикацией Марцелла (*is se magistratu abdicavit: Liv.* XXIII. 31. 14), если, конечно, он не успел до нее вступить в должность.

⁸⁰ *Mommsen*. Op. cit. Bd I. S. 513. Anm. 3.

⁸¹ *CIL.* I². P. 23 (539 a.u.c.). О его гибели см. *Liv.* XXIII. 24. 6–12; *CIL.* I². P. 23. См. *Mommsen*. Op. cit. Bd I. S. 590. Anm. 5; S. 591. Anm. 2. О двух подобных случаях в I в. до н.э. см. *ibid.* S. 590. Anm. 6; S. 591. Anm. 1.

А в день вступления в должность, после завершения срока полномочий предшественника, ауспиции и *potestas* автоматически появлялись у нового магистрата, уже на рассвете этого дня совершавшего ауспиции. Что касается возможности «отложенных» империя и ауспиций (как и *potestas*), т.е. вступающих в силу по истечении определенного промежутка времени, то о ней свидетельствует та ситуация, которая сложилась в системе управления провинциями к концу Республики. Тогда все чаще консулы и преторы становились наместниками провинций не сразу после истечения своего магистратского срока, а спустя несколько лет, так что в итоге в 53–52 годах до н.э. был установлен пятилетний срок между магистратурой и промагистратурой⁸². При назначении в провинцию империй и ауспиции заново не предоставлялись⁸³, соответственно, полученные однажды магистратские империй и ауспиции в «скрытом виде» сохранялись у бывшего магистрата вплоть до появления у него промагистратских полномочий.

Кроме того, в пользу возможности «отложенного» империя и ауспиций свидетельствует, на мой взгляд, ситуация «приостановки», или, точнее, ограничения действия консульского империя и ауспиций в случае назначения диктатора. После сложения диктатором своих полномочий до истечения административного года империй и ауспиции ординарных магистратов возобновлялись в полном объеме автоматически, без каких-либо специальных решений⁸⁴. Таким образом, империй и ауспиции консулов могли оказаться временно недействующими: в полном объеме или в конкретных ситуациях подчинения консулов диктатору – это уже другой вопрос. Указанная норма должна была действовать с момента учреждения диктатуры, т.е. практически с самого начала Республики. Кроме того, действие империя и ауспиций консула приостанавливалось еще в одном случае: если оба консула командовали одним войском, то империй и ауспиции находись у каждого попеременно, а не одновременно⁸⁵.

Итак, по моему мнению, уже в силу своего избрания в комициях новый магистрат получал право на ауспиции, которое при каждом избрании появлялось заново и которое он реализовывал лишь после сложения полномочий прежним магистратом. Боги «в лице» Юпитера не «оставались в стороне» от важного для общины, которой они покровительствовали, акта избрания ее руководите-

⁸² *Dio Cass.* XL. 30. 1; 46. 2; 56. 1. Анализ см. *Mommsen.* Op. cit. Bd II. S. 241–242.

⁸³ Таких сведений не имеется ни для промагистратов, у которых были продлены их магистратские полномочия (*prorogatio*), ни для тех, кто получали власть, будучи частными лицами (*privati cum imperio*): *Виллемс П.* Римское государственное право / Пер. с франц. Вып. I. Киев, 1888. С. 281. Прим. 2; *Herzog.* Op. cit. Bd I. S. 617; *Mommsen.* Op. cit. Bd I. S. 613; *Liebenam W.* *Curiata lex* // *RE.* Bd 4. 1901. Sp. 1828; *Catalano.* Op. cit. P. 473. Не было ни нового куриатного закона об империи (если придерживаться теории о получении права на ауспиции вследствие *lex curiata*), ни нового избрания (если связывать получение ауспиций с процедурой *creatio*).

⁸⁴ *Lange.* *Römische Alterthümer.* Bd I. S. 755; *Mommsen.* Op. cit. Bd II. S. 155–156; *Liebenam W.* *Dictator* // *RE.* Bd 5. 1905. Sp. 383; *Нетушил И.В.* Очерк римских государственных древностей. Вып. I. Харьков, 1894. С. 162; *Дементьева.* Магистратура диктатора... С. 90; *Токмаков В.Н.* Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме Ранней Республики // *ВДИ.* 1997. № 2. С. 47.

⁸⁵ *Liv.* XXVIII. 9. 10. Cf. *Liv.* III. 70. 1; IV. 46. 3, 5; XXII. 41. 3; 45. 4, 5; *Polyb.* III. 110. 4; 113. 1. Образно назвал «спящими» (*dormant*) *imperium* и *auspicium* консула, когда фации находились у его коллеги, Линдерски (*The Augural Law...* P. 2178. Not. 115).

лей. Это «соучастие» Юпитера выражалось двояко: в одобрении самой акции (народного собрания), точнее, соответствующего дня, через ауспиции, осуществляемые руководителем электоральных комиций в ночь перед их проведением, и в одобрении выбора гражданского коллектива через жеребьевку, которая, также являясь ауспикальной процедурой, определяла порядок объявления результатов голосования в отдельных подразделениях этого коллектива. Оба эти этапа имели место при избрании магистратов, т.е. должностных лиц с правом на осуществление общественных импетративных ауспиций. При избрании плебейских должностных лиц, данным правом не обладавших, имела место только жеребьевка триб. Не будучи освящена общественными ауспициями, ибо плебейские трибуны ими не обладали, она не могла иметь того важного ауспикального значения, каким жеребьевка обладала при ренунциации магистратов. Однако наличие такой процедуры при избрании плебейских должностных лиц вполне могло стать сакральной базой постепенного сближения их статуса с магистратским.

Важно отметить, что Юпитер «одобрял» выбор гражданского коллектива, «одобряя» день проведения его собрания и результаты, но не «высказывался» по поводу личности новых магистратов. Определение личности носителя власти было делом гражданского коллектива, являясь исключительно его прерогативой. И только в таком «усеченном» виде можно говорить о «божественной инвеституре» магистратов. Видимо, подобного рода конкретизация и ограничение полномочий высшего магистрата в его отношениях со сверхъестественным миром от лица общины являлись одной из важнейших особенностей и характернейших черт новой политической системы, установленной после изгнания царей, власть которых имела весьма обширную сакральную сторону. Это означает признание относительной секуляризации политической власти при Республике. Но здесь же наблюдается и определенная преемственность между концепциями царской и республиканской власти: божественная санкция относилась к власти и ее полномочиям, а не к ее носителю⁸⁶.

При всем религиозном значении ренунциации, ее все же нельзя назвать особым ритуалом наделения правом на ауспиции, соответствующим важности названного права: ведь ауспиции оказываются включенными в иной, политический, акт. Отсутствие специального акта наделения ауспициями, по всей видимости, объясняется тем, что избрание было освящено Юпитером через комициальные ауспиции и ауспикальную процедуру жеребьевки и потому не нуждалось в дальнейшем подтверждении с его же стороны, т.е. в «божественной инвеституре». А если боги соглашались с выбором граждан, то со стороны последних явно не было необходимости специально наделять избранника правом узнавать волю богов. Это означало бы вмешательство людей в сферу сакральной компетенции. Таким образом, полномочия магистрата в сакральной области фактически зависели от получения им политических полномочий. Это свидетельствует о подчинении сакральной сферы политической, что, на мой взгляд, было одним из основных принципов религиозной жизни гражданской общины.

⁸⁶ Подробнее о моих взглядах по поводу царской власти см. *Сморчков А.М. Regnum et sacrum: к вопросу о характере царской власти в древнем Риме // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2002. № 2 (10). С. 39–40.*

THE SOURCES AND CHARACTER OF MAGISTRATES ' RIGHT TO AUSPICATE: AN ANALYSIS OF THE *RENUNTIATIO*

A.M. Smorchkov

The author examines sacral aspects of *renuntiatio*, i.e. of announcing the winner of the election. He maintains that the act gave the magistrate the right to public auspices, an essential part and sacral basis of magistrate's competence. The case of faulty election of M. Claudius Marcellus in 215 BC is reconsidered. Before the *magistratus designatus* was inducted into office, his right to take auspices remained latent as well as his *potestas*. Jupiter's participation in the electoral procedure showed itself in two ways: he expressed his approval of the action itself (*comitia*) through the auspices conducted by the leaders of electoral *comitia* in the night before they were held and his approval of the choice made by the community. The approval came in the form of a lot, which determined the order of announcing the results of the vote in the community. Casting lots was an auspicial procedure; but Jupiter did not express his opinion about the new magistrate's person. Choosing the person was the business of the community, its exclusive right. Republican political practice did not know any kind of special «divine investiture». Thus, magistrate's competence in the sacral field depended on whether or not he received political power, which fits in well with the basic principles of sacral and political organization of the *civitas*.